

Аннотация монографии *Ирины Владимировны Головачевой*, доктора филологических наук, профессора кафедры английской филологии и перевода СПбГУ

«Фантастика и фантастическое: поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы». СПб.: ИД Петрополис, 2013. – 412 с.

Есть ли общее у текстов, в которых проявляются призрачное, наукообразное, сказочное, идеальное или кошмарное? Разумно ли включать произведения, актуализирующие эти темы, в единое пространство фантастической литературы? Эти вопросы не могут быть решены без преодоления терминологического хаоса, воцарившегося в фантастиковедении с момента его зарождения. Западная критика прибегает к термину «фантастическое». Но это понятие применимо к огромному множеству несхожих текстов. Трудности определения и классификации возникают не только из-за размытости самого понятия «фантастическое». В западном фантастиковедении, в частности, в англоязычном, до недавнего времени термин *the fantastic* (фантастическое) служил своего рода зонтичным прикрытием для обозначения любой фантастической образности любой исторической эпохи. Предложенные иные термины — *fantasy* и *fantastic fiction* — ничуть не проясняли картину. Гораздо более удачным представляется привычный для русского слуха термин *fantastika*, предложенный Джоном Клутом.

В книге И. В. Головачевой предлагается системная трактовка *фантастик* и как специфического вида литературы, охватывающего готический хоррор, фэнтези, научную фантастику и примыкающую к ней утопию и подведомственные гибридные жанры. Однако исследователь не ограничивается признанием фантастики в качестве специфического вида литературы. Понятие «фантастическое» оказывается столь же необходимым. Параллельное употребление обоих терминов позволяет, во-первых, оценивать фантастику как совокупность жанров формульной литературы, а во-вторых, временно отстраняясь от рассуждений о жанрах, трактовать фантастическое как форму репрезентации странного, чуждого, экстремального (избыточного или, напротив, дефицитного), ненормального, разрушительного, неустойчивого вместо стабильного, упорядоченного и потому легко опознаваемого мира.

Несмотря на то, что термин фантастика представляется необходимым, само это понятие ставит перед критиков два важнейших вопроса:

1. Всякая ли фантастика содержит фантастическое?
2. Гарантирует ли присутствие фантастического в тексте принадлежность этого последнего к фантастике?

В монографии доказывається, что прагматика *фантастического* радикально различается в готическом хорроре, фэнтези, научной фантастике и утопии. Таксономия последних двух жанров критически пересматривается.

Необходимость определения таксономических признаков научной фантастики вызвана тем, что границы жанра все более размываются не только утопией, но и другими смежными жанрами – хоррором и фэнтези. Устоявшиеся определения НФ исходят из двух основных теорий – Дж. Ганна и Дарко Сувина. Современные споры в основном касаются природы «познания» и «инаковости» в НФ. В книге Головачевой утверждается необходимость дополнить сувинское «когнитивное остранение» «когнитивной устойчивостью», конкретизируя критическую, позитивистскую позицию авторов такой прозы. НФ повествует не только о результатах научного прогресса, но и регресса. Поэтому в заключение предлагается скорректированное определение жанра.

Утопия (разительно отличается от прочих жанров фантастики тем, что как правило не прибегает к фантастическому. Это обстоятельство заставляет серьезно сомневаться в обоснованности ее «прописки» по адресу «фантастика».

Понятие *фантастического* дало возможность исследовать в монографии те маргинальные территории, на которых происходит вторжение фантастической образности в поле «реального» в том виде, в каком это последнее явлено в психологизированных литературных текстах, ориентированных на любой жанр фантастики (утопия, готический хоррор или научная фантастика). Подобный подход позволил предложить новаторскую интерпретацию как классических текстов У. Шекспира, М. Шелли, Н. Готорна, Э. А. По, Г. Джеймса, Р. Л. Стивенсона, Б. Стокера, О. Хаксли, А. Азимова, так и новейших образцов массовой культовой литературы фэнтези (Ст. Мейер) и готического хоррора (Г. Дункана) в специальном разделе, посвященном литературной монстрологии.

Фантастика в целом направляет ум к неизвестной или не совсем освоенной реальности. Все нарушения и проекции, происходящие на поле фантастики, демонстрируют ее когнитивный потенциал. Однако, как продемонстрировано в книге Головачевой, есть и принципиальные отличия, благодаря которым, скорее всего, и происходит опознавание фантастических жанров.

Предложенная И. В. Головачевой ревизионная классификация, использующая оба параллельных понятия, позволяет уточнять «прописку» того или иного текста, что предоставляет как специалистам, так и широкому кругу читателей гораздо более точный инструментарий интерпретации.

Все разделы книги имеют междисциплинарный характер. Такой подход дает возможность прояснить то, как происходят эффектные метаморфозы, превращения вымыслов в реальности.

igolovachewa@gmail.com

